

ПОСЛЕ ПОСЛЕДНЕГО ВЫСТРЕЛА

Эмма Смит

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Он забыл их прошлое. Она — никогда.

18+

Эмма Смитх

После последнего выстрела

<https://litres.ru/74466564>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лея Орлова давно научилась жить с неразделённой любовью.

В школе она смотрела на Тимура Власова издалека, пряча чувства за улыбкой и делая вид, что его холодность не причиняет боли. Но Тимур никогда не видел в ней больше, чем одноклассницу. Восемь лет назад их дороги разошлись, и Лея решила, что вместе с ним оставила в прошлом и свою любовь.

Теперь она — врач, привыкшая спасать чужие жизни. Он — военный, для которого долг, приказ и служба всегда были превыше всего.

Их встреча одном городе ставится для ей неожиданным ударом.

Стоит ей увидеть Тимура, как давно забытые чувства вспыхивают с новой силой. Но мужчина, которого она помнила, изменился. Он стал властным, сдержанным и опасно притягательным. Тимур не привык подпускать людей близко и не собирается позволять чувствам вмешиваться в его ЖИЗНЬ.

Она лечит тех, кого он защищает.

Он охраняет границы, за которыми Лея пытается сохранить чужие сердца.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эмма Смитх

После последнего выстрела

Глава 1

Аннотация

Лея Орлова давно научилась жить с неразделённой любовью.

В школе она смотрела на Тимура Власова издалека, пряча чувства за улыбкой и делая вид, что его холодность не причиняет боли. Но Тимур никогда не видел в ней больше, чем одноклассницу. Восемь лет назад их дороги разошлись, и Лея решила, что вместе с ним оставила в прошлом и свою любовь.

Теперь она — врач, привыкшая спасать чужие жизни. Он — военный, для которого долг, приказ и служба всегда были превыше всего.

Их встреча в одном городе становится для Леи неожиданным ударом. Стоит ей увидеть Тимура, как давно забытые чувства вспыхивают с новой силой. Но мужчина, которого она помнила, изменился. Он стал властным, сдержанным и опасно притягательным. Тимур не привык подпускать людей близко и не собирается позволять чувствам вмешиваться в

его жизнь.

Она лечит тех, кого он защищает.

Он охраняет границы, за которыми Лея пытается сохранить чужие сердца.

Но что произойдёт, когда прошлое столкнётся с настоящим? Сможет ли Тимур нарушить собственные правила ради женщины, которая всё это время любила его? И выдержит ли Лея любовь к человеку, для которого будущее всегда начинается с очередного приказа?

Иногда два человека слишком спешат навстречу своей судьбе, чтобы заметить: их дороги уже давно ведут друг к другу.

1 книга цикла «на линии любви»

Глава 1. Цена надежды.

Я проснулась ещё до рассвета — не от звука будильника и не от привычного шума за окном, а от тишины.

Обычно по утрам наш дом оживал задолго до того, как солнце касалось крыш соседних домов. На кухне звенела посуда, отец тяжело отодвигал стул, недовольно ворчал на скрипучую дверцу шкафа, а мать несколько раз заходила ко мне в комнату, чтобы напомнить: завтрак остывает. Сегодня же вокруг стояла такая глухая тишина, словно стены специально задерживали дыхание.

Я лежала на спине и смотрела в потолок, различая в сером утреннем свете едва заметную трещину возле люстры. Эта трещина появилась ещё прошлой зимой. Отец обещал заделать её весной, потом летом, а позже перестал упоминать во все. Теперь она напоминала мне тонкую линию, разделяющую привычную жизнь и то, что начиналось за её пределами.

Я протянула руку к телефону.

На экране было несколько пропущенных звонков из клиники и одно короткое сообщение от заведующего отделением:

«Лея, зайдите ко мне сразу после прибытия. Разговор срочный».

Я перечитала сообщение несколько раз, хотя смысл оставался неизменным. Внутри неприятно сжалось. Когда заведующий писал таким тоном, речь никогда не шла о пустяках.

Я медленно села на кровати и провела ладонями по лицу. За окном только начинало светать. Небо было бледным, почти бесцветным, а мокрые ветви старого дерева царапали стекло. Ночью шёл дождь, и теперь вода медленно стекала по окну длинными дорожками, превращая фонари в расплывчатые золотые пятна.

Я хотела встать, но несколько секунд просто сидела, прислушиваясь к дому.

Внизу что-то упало.

Затем раздался резкий голос отца:

— Я сказал, что не буду это обсуждать!

Следом послышался голос матери. Она говорила тише, но даже сквозь закрытую дверь я почувствовала в нём усталость и тревогу.

Я поднялась. Пол оказался холодным, и по спине пробежала дрожь. Накинув халат, я вышла из комнаты и остановилась на лестнице. Отсюда была видна кухня. Отец стоял возле окна, опираясь ладонями о подоконник. Его плечи казались напряжёнными, а голова была опущена. Мать сидела за столом, сжимая в руках чашку, к которой, судя по нетронутому чаю, так и не притронулась.

Они не заметили меня.

— Ты не можешь продолжать делать вид, будто всё под контролем, — сказала мать. — Мы уже отложили это на три месяца.

— А что ты предлагаешь? — резко спросил отец, не оборачиваясь. — Продать дом? Взять ещё один кредит? Позволить людям, которым мы и так должны?

— Я предлагаю поговорить с Леей.

При звуке собственного имени я замерла.

Отец наконец обернулся. Его лицо сразу изменилось. Раздражение исчезло, уступив место напряжённой попытке выглядеть спокойно. Мать тоже подняла глаза и увидела меня на лестнице.

Несколько секунд никто не произносил ни слова.

— Доброе утро, — сказала я, хотя голос прозвучал слишком тихо.

Мать поставила чашку на стол и попыталась улыбнуться. Эта улыбка была такой осторожной, будто она боялась, что любое лишнее движение разрушит хрупкое равновесие.

— Доброе утро, милая. Ты рано встала.

— Я услышала вас.

Отец отвёл взгляд.

Я спустилась по лестнице, стараясь не показывать, как сильно меня тревожит их разговор. На кухне пахло остывшим кофе, влажным деревом и лекарствами. На краю стола лежала открытая папка с документами. Я узнала логотип больницы и сразу почувствовала, как внутри всё похолодело.

— Что это? — спросила я, указывая на папку.

— Ничего, — быстро ответил отец.

Он произнёс это слишком поспешно.

Я подошла к столу и взяла верхний лист. Мать попыталась остановить меня, но не успела. Взгляд зацепился за несколько знакомых слов: кардиологическое отделение, необходимость срочного вмешательства, лист ожидания, трансплантация.

Я медленно подняла глаза.

— Это связано с тобой?

Мать сжала губы. Её пальцы дрожали, хотя она пыталась скрыть это, сцепив руки на коленях.

— Лея...

— Мам, ответь мне.

Я не повысила голос, но в нём прозвучало требование. Я

слишком хорошо знала медицинские формулировки, чтобы позволить им спрятаться за общими словами. Каждый термин в документе был мне понятен. Слишком понятен.

Мать глубоко вдохнула.

— Моё сердце больше не справляется.

Фраза была произнесена спокойно, почти буднично. От этого она показалась ещё страшнее.

Я смотрела на неё и не могла сразу осознать смысл сказанного. Передо мной сидела моя мать — женщина, которая каждое утро открывала окна, ругалась на меня за поздние возвращения, выращивала на балконе базилик и всегда умудрялась находить в холодильнике продукты, которых там не было. Она выглядела уставшей, но не больной.

— Что значит «не справляется»? — спросила я.

— Ты прекрасно понимаешь, что это значит.

— Я хочу услышать от тебя.

Мать отвела глаза к окну. За стеклом дождь усилился, и капли начали стучать по подоконнику.

— Кардиомиопатия прогрессирует. Лекарства уже не дают прежнего эффекта. Врачи считают, что нужна трансплантация.

Я почувствовала, как ноги становятся ватными, но заставила себя не садиться.

— Почему я узнаю об этом сейчас?

— Потому что мы надеялись, что сможем справиться сами, — ответил отец.

Я резко повернулась к нему.

— Сами? Вы скрывали от меня, что мама может умереть?

— Не говори так, — сказал он, и в его голосе впервые появилась боль. — Не произноси это слово.

— А какое слово мне произносить? «Ухудшение»? «Сложный период»? «Непредвиденные обстоятельства»? Я врач, папа. Я знаю, что означают эти документы.

— Ты врач, а не всемогущая, — огрызнулся он.

Его слова ударили сильнее, чем я ожидала. Я замолчала, сжимая лист так, что он помялся в моей руке.

Мать посмотрела на него с упреком.

— Не надо на неё кричать.

— Я не кричу.

— Ты кричишь с тех пор, как узнал диагноз.

Отец отвернулся, провёл ладонью по лицу и тяжело опустился на стул. За последние месяцы он будто постарел. Раньше я воспринимала его как человека, которого невозможно сломать. Он всегда находил решение, всегда знал, что делать. Даже в самые трудные времена отец сохранял уверенность, заставляя окружающих верить, что всё обязательно наладится.

Теперь эта уверенность исчезла.

Я села напротив матери.

— Как давно вы знаете?

— Почти четыре месяца, — ответила она.

Я закрыла глаза.

Четыре месяца.

Четыре месяца я приходила домой после смен, жаловалась на усталость, рассказывала о пациентах, спорила с отцом из-за его привычки пропускать обследования, а моя мать каждый день жила с мыслью о том, что её сердце может остановиться.

— Почему ты мне не сказала?

— Потому что ты бы бросила всё.

— Конечно, бросила бы.

— Именно поэтому.

— Мам, я твоя дочь.

— Ты ещё и врач. И я знаю тебя. Ты начала бы искать деньги, знакомых, варианты лечения, ночевала бы в больнице и перестала бы жить собственной жизнью.

— Моя жизнь не важнее твоей.

Мать улыбнулась, но в её глазах появились слёзы.

— Для меня важнее, чтобы ты не превратила свою жизнь в бесконечную борьбу за меня.

— А что мне делать? Смотреть, как ты умираешь?

— Не говори так.

На этот раз её голос дрогнул.

Я накрыла её руку своей. Кожа была холодной. Раньше я всегда считала руки матери удивительно тёплыми. Она гладила меня по волосам, когда я болела, держала меня за пальцы во время школьных выступлений, поправляла воротник моего пальто перед экзаменами. Сейчас её ладонь казалась

почти невесомой.

— Что сказали врачи? — спросила я уже тише.

Отец поднял глаза.

— Операция необходима. Но сначала нужно попасть в программу. Есть частная клиника, где могут провести трансплантацию быстрее.

— И сколько это стоит?

Мать сразу опустила взгляд.

Я поняла ответ ещё до того, как отец его произнёс.

— Десять миллионов долларов, — сказал он.

В кухне снова повисла тишина.

Мне показалось, что слово осталось висеть, между нами, тяжёлое и невозможное. Десять миллионов. Сумма, которая не укладывалась в сознании. Это были не просто деньги. Это были годы чужой жизни, огромные состояния, сделки, дома, компании.

— У нас нет таких денег, — произнесла я.

— Нет, — подтвердил отец.

— А страховка?

— Не покрывает лечение в этой клинике.

— Государственная программа?

— Слишком длинная очередь.

— Другие больницы?

— Мы проверили.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри поднимается отчаяние, но вместе с ним — злость. Мне хотелось обвинить

их в бездействии, хотя я знала, что отец сделал всё возможное. Хотелось найти виноватого, потому что без виноватого происходящее казалось особенно страшным.

— Сколько времени у нас есть?

Мать попыталась ответить, но голос сорвался. Отец сжал челюсти.

— Врачи говорят, что счёт идёт на недели.

Я встала так резко, что стул отодвинулся и ударился о стену.

— На недели?

— Лея, сядь.

— Вы говорите, что у мамы есть несколько недель, а всё это время молчали?

— Мы не хотели превращать каждый день в прощание.

— А теперь что? Теперь я должна за несколько недель найти десять миллионов?

— Мы найдём решение.

— Какое?

Отец не ответил.

Я прошла к окну и прижалась ладонями к холодному стеклу. Дождь расплывался перед глазами. Я пыталась думать, как врач: оценить состояние, возможные варианты, риски, последовательность действий. Но мысли рассыпались.

Передо мной была не пациентка.

Передо мной была моя мать.

Женщина, которая научила меня читать. Женщина, кото-

рая держала меня за руку, когда я боялась первой операции на практике. Женщина, которая всегда говорила, что главное — не потерять человечность, даже если работа заставляет каждый день видеть боль.

Теперь я должна была найти способ спасти её.

Я ещё долго стояла у окна, не в силах отойти от него. За стеклом серое утро окончательно вступало в свои права, но в доме по-прежнему было темно. Казалось, вместе с дождём на город опустилась тяжесть, от которой невозможно было избавиться простым движением или глубоким вдохом.

На столе лежали медицинские документы. Я смотрела на них и мысленно перебирала возможные варианты, хотя уже знала: времени почти не осталось.

В этот момент мой телефон зазвонил.

Резкий звук прорезал кухонную тишину. Я вздрогнула и достала его из кармана халата. На экране высветился номер клиники.

— Лея Орлова? — спросил секретарь заведующего, когда я ответила.

Его голос звучал официально и немного напряжённо, будто он заранее знал, что разговор будет неприятным.

— Да.

— Вас срочно вызывает заместитель главного врача. Он уже в кабинете и ждёт вас.

Я посмотрела на мать. Она сидела неподвижно, прижав ладонь к груди. В её лице не было паники, но я слишком хо-

рошо знала эту спокойную маску. Она старалась не показывать, как ей тяжело.

— Я скоро буду, — ответила я.

Положив телефон на стол, я несколько секунд не двигалась. Мне хотелось остаться дома, продолжить искать решение вместе с родителями, но работа не ждала. Кроме того, если заместитель главного врача вызвал меня лично, причина действительно была серьёзной.

— Тебе нужно ехать? — спросила мать.

В её голосе звучала слабость, и от этого мне стало ещё тяжелее.

— Да. Но я вернусь сразу после смены.

Я старалась говорить уверенно, хотя сама не верила, что смогу спокойно провести рабочий день. Внутри всё ещё звучала сумма, которую я никак не могла принять: десять миллионов долларов.

Отец поднялся со стула.

— Мы не будем ничего решать без тебя.

Он говорил твёрдо, но его взгляд выдавал тревогу. Я понимала, что он пытается вернуть себе привычную роль человека, который способен защитить семью. Однако теперь мы оба знали: обычных решений больше не осталось.

— Я свяжусь с вами, как только что-нибудь узнаю, — сказала я.

Я подошла к матери и осторожно обняла её. Она прижалась ко мне, и я почувствовала, насколько сильно похудела

за последние месяцы.

— Всё будет хорошо, — прошептала она.

Эти слова должны были успокоить меня, но вместо этого в груди стало тесно. Я не могла обещать ей то, в чём сама не была уверена.

— Да, — ответила я, заставляя себя улыбнуться. — Обязательно.

Я поднялась в свою комнату и открыла шкаф. Выбор одежды обычно занимал у меня не больше минуты, но сегодня я долго стояла перед полками, не замечая вещей.

В конце концов я достала светлую блузку с высоким воротником и тёмно-синие классические брюки. Поверх надела тонкий серый кардиган, а затем длинное бежевое пальто. Волосы собрала на затылке, оставив несколько прядей у лица. Я не стала наносить макияж, только быстро умылась холодной водой и посмотрела на своё отражение.

Лицо казалось бледным. Под глазами легли тени, а губы почти потеряли цвет.

Я выглядела не как врач, привыкший держать себя в руках, а как дочь, которой сообщили, что её мать может не дожить до следующего месяца.

Я отвернулась от зеркала, взяла сумку и спустилась вниз.

Отец стоял у входной двери, держа в руках мои ключи. Он протянул их молча, и в его взгляде было столько беспокойства, что я невольно задержала дыхание.

— Позвони, когда доедешь, — попросил он.

Его просьба прозвучала просто, но я услышала за ней всё, что он не смог сказать: страх, бессилие и надежду на то, что я действительно найду выход.

— Позвоню.

Я надела чёрные кожаные ботинки, обмотала шею светлым шарфом и застегнула пальто. Взяв зонт, я вышла из дома под холодный дождь.

До клиники я добиралась почти сорок минут. Всё это время мысли возвращались к матери. Я пыталась сосредоточиться на дороге, на светофорах и людях, спешивших по мокрым улицам, но перед глазами снова и снова появлялись документы, лежавшие на кухонном столе.

Когда я вошла в клинику, было без десяти восемь. В коридорах уже кипела работа: медсёстры торопливо проходили из одного отделения в другое, пациенты ждали приёма, где-то звонил телефон.

Я сняла пальто, передала его гардеробщице и поднялась на второй этаж. У кабинета заместителя главного врача стояла его секретарь.

— Он вас ждёт, — сказала она, открывая дверь.

Я поблагодарила её и вошла.

За широким столом сидел мужчина около сорока пяти лет. Его звали Александр Сергеевич Воронцов. Он был заместителем главного врача клиники и одним из тех людей, чьё присутствие сразу ощущалось в помещении.

Александр Сергеевич выглядел строго: высокий, худощавый, с широкими плечами и прямой осанкой. Его тёмно-русые волосы были коротко подстрижены, а виски уже тронула лёгкая седина. На лице выделялись серые глаза, внимательные и холодноватые, но не лишённые усталости. Он был одет в тёмный костюм, белую рубашку и бордовый галстук. На столе перед ним лежала тонкая папка.

Он поднял взгляд на меня и указал на стул напротив.

— Садитесь, Лея.

Голос у него был спокойным, без лишних эмоций. Я села, положив руки на колени, и почувствовала, как внутри нарастает напряжение.

— Вы вызвали меня по поводу работы? — спросила я.

Я старалась говорить ровно, но мысленно уже перебирала возможные причины. В клинике не вызывали врачей без необходимости, а тем более ранним утром.

Александр Сергеевич открыл папку и посмотрел на документы.

— В некотором роде. Нам поступил запрос из военного госпиталя.

При слове «военного» я едва заметно напряглась. Я никогда не работала в военном госпитале постоянно, хотя несколько раз проходила там практику и знала, насколько непростыми были условия.

— Какой именно запрос? — уточнила я.

Воронцов снял очки и положил их рядом с папкой. Его взгляд стал внимательнее, словно он заранее подбирал слова.

— Им срочно требуется врач-терапевт с опытом работы в экстренной медицине. На несколько недель. Возможно, дольше.

Я молчала, ожидая продолжения. Где-то внутри уже возникло неприятное ощущение, что этот разговор связан не только с нехваткой специалистов.

— Почему вы говорите об этом мне?

Я задала вопрос спокойно, но не могла избавиться от подозрения, что у предложения есть скрытая сторона.

Александр Сергеевич сцепил пальцы на столе.

— Потому что вы подходите по квалификации. И потому что военный госпиталь готов заключить с вами отдельное соглашение.

— Какое соглашение?

Он открыл папку и достал несколько листов.

— Если вы соглашаетесь отправиться туда, госпиталь берёт на себя оплату лечения вашей матери. Полностью. Также вашей семье будет предоставлена финансовая поддержка на период её лечения.

Я перестала дышать на несколько секунд.

Слова звучали настолько неожиданно, что я не сразу смогла осмыслить их. Мне показалось, что я неправильно слышала.

— Вы говорите о лечении моей матери?

Я смотрела на него, пытаясь понять, не ошибся ли он. Надежда появилась слишком быстро и потому казалась опасной.

— Да, — подтвердил Воронцов. — Операция, обследования, медикаменты и необходимые расходы. Всё будет оформлено официально.

Я опустила взгляд на папку. Бумаги лежали передо мной, но буквы расплывались. Ещё час назад десять миллионов долларов казались непреодолимой стеной. Теперь передо мной словно появилась дверь.

— Почему военный госпиталь готов заплатить такую сумму за одного врача? — спросила я.

В моём голосе прозвучала настороженность. Я не хотела позволить отчаянию заставить меня согласиться, не разобравшись в условиях.

Александр Сергеевич чуть откинулся в кресле.

— У них сложная ситуация. В госпитале находятся военнослужащие после тяжёлых операций. Требуется специалист, который умеет работать спокойно и быстро. Вашу кандидатуру рекомендовали.

— Кто именно?

— Полковник Савельев. Он командует медицинским подразделением.

Я провела пальцем по краю листа, стараясь сосредоточиться. Имя ничего мне не говорило, но предложение уже не казалось случайным.

— На какой срок мне нужно уехать?

— Первоначально на один месяц. При необходимости срок может быть продлён, но только с вашего согласия.

Это немного успокоило меня. Я не хотела связывать себя обязательствами, из которых не смогу выйти.

— Где находится госпиталь?

— За городом, на территории военной базы. Дорога занимает около часа. Проживание предоставляется там же.

Я представила больничные коридоры, строгий режим, незнакомых людей и постоянную ответственность. Всё это было непросто, но цена предложения заставляла меня снова и снова возвращаться к одной мысли: у матери появится шанс.

— И вы действительно гарантируете оплату трансплантации?

Я спросила это медленно, тщательно подбирая слова. Мне нужно было услышать не обещание, а точные условия.

Воронцов кивнул.

— Это будет прописано в договоре. После вашего согласия средства перечислят на отдельный медицинский счёт вашей матери. Ваша семья также получит деньги на необходи-

мые расходы.

Я закрыла глаза на мгновение.

Передо мной возникло лицо матери. Её слабая улыбка. Холодные пальцы в моей руке. Её попытка убедить меня, что всё будет хорошо.

Я открыла глаза и посмотрела на Воронцова.

— Что именно я должна делать в госпитале?

Он передал мне второй документ.

— Работать с пациентами, участвовать в обходах, оказывать экстренную помощь и выполнять обязанности врача отделения. Ничего сверх вашей квалификации.

Я внимательно просмотрела бумаги. Условия выглядели чёткими. Срок, обязанности, порядок выплат — всё было указано. Внизу стояла отметка о том, что медицинские расходы матери покрываются отдельной стороной соглашения.

— Мне нужно поговорить с родителями, — сказала я.

Внутри меня боролись осторожность и надежда. Я понимала, что решение нельзя принимать только под влиянием страха, однако другой возможности спасти мать у меня не было.

— Разумеется, — ответил Александр Сергеевич. — Но ответ необходим сегодня.

Он говорил спокойно, но эта фраза заставила меня напрячься. Сегодня. Значит, времени на сомнения почти не оставалось.

— Когда я должна прибыть?

— Завтра утром.

Я подняла взгляд.

— Так быстро?

— В госпитале срочно нужен врач.

Воронцов замолчал, а я снова опустила глаза на договор. Слова «завтра утром» звучали так, будто кто-то уже отделил мою прежнюю жизнь от следующего этапа.

Я взяла ручку, но не стала подписывать документы.

— Я должна сама связаться с госпиталем?

— Нет. После вашего согласия я передам ваши данные полковнику Савельеву. Он сообщит детали прибытия.

Я положила ручку обратно на стол. Внутри постепенно формировалось решение. Оно пугало меня, но вместе с тем давало то, чего не было ещё утром, — надежду.

— Я соглашусь, — сказала я.

Собственный голос показался мне чужим. Я произнесла эти слова тихо, однако впервые за несколько часов почувствовала, что могу сделать хоть что-то для матери.

Александр Сергеевич внимательно посмотрел на меня.

— Вы уверены?

В его вопросе не было давления. Скорее, он пытался убедиться, что я понимаю последствия.

— Да. Если это действительно поможет моей матери, я поеду.

Я подписала договор. Рука немного дрожала, но подпись получилась разборчивой. В этот момент я ещё не знала, что

поездка в военный госпиталь изменит не только судьбу моей семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.